

УДК 94(47).084.8

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-8

Причины ареста министра госбезопасности В. С. Абакумова**О. Б. Мозохин**

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

mozohin@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования определяется потребностью всестороннего объективного анализа смещения с поста министра Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР В. С. Абакумова. Публикация ставит своей целью отразить процесс деятельности Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по расследованию его дела. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов Архива Президента Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории. Методологический потенциал включает: философские принципы диалектики, а именно объективность, научность, всесторонность, единство исторического, логического и др. Их реализация помогла провести изучение документальных источников, связанных с делом В. С. Абакумова. *Результаты.* На основании впервые введенных в научный оборот документов Архива Президента Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории публикуются сведения о расследовании Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) дела В. С. Абакумова. Рассказывается о работе Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, о деятельности которой почти ничего не известно. *Выводы.* После назначения на должность руководителя МГБ СССР В. С. Абакумов в своей работе ориентировался в основном на Л. П. Берия, он нередко обращался к нему за советами. Фактически Берия являлся негласным куратором МГБ СССР. Заявление старшего следователя Следственной части по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмина, который просигнализировал о неблагополучном положении в министерстве с ведением следствия по ряду важных дел, способствовало смещению Абакумова с поста министра. Однако основной причиной было не его заявление, а то, что Абакумов становился слишком самостоятельным, он единолично принимал решения по ведению следствия, не ставя об этом в известность Сталина. Вожь привык сам принимать решения, в отношении кого и в каком направлении вести следствие, в то время как МГБ должен был быть промежуточным звеном. Воспользовавшись ситуацией, Сталин без сожаления убрал «зарвавшегося» министра.

Ключевые слова: Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), МГБ СССР, В. С. Абакумов, М. Д. Рюмин, И. В. Сталин, следствие, нарушение законности

Для цитирования: Мозохин О. Б. Причины ареста министра госбезопасности В. С. Абакумова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 79–92. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-8

The cause of arrest of the minister of state security V.S. Abakumov**O.B. Mozohin**

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

mozohin@bk.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is determined by the need for a comprehensive objective analysis of the removal from the post of Minister of State Security of the

USSR V.S. Abakumov. The publication aims to reflect the process of activity of the Commission of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) to investigate his case. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved using documents from the Archive of the President of the Russian Federation and the Russian State Archive of Social and Political History. Methodological potential includes: philosophical principles of dialectics, namely objectivity, scientific character, comprehensiveness, unity of historical, logical and others. Their implementation helped to study documentary sources related to the case of V.S. Abakumov. *Results.* On the basis of first introduced in the scientific use of documents of Archive of the President of the Russian Federation and Russian state archive of socio political history published information about the Commission's investigation of the Politburo of the CPSU(b) in the case of V.S. Abakumov. It tells about the work of the Investigative Unit for particularly important cases of the Minister of State Security of the USSR, about the activities of which almost nothing is known. *Conclusions.* After being appointed to the post of head of the Minister of State Security of the USSR, V.S. Abakumov in his work focused mainly on L.P. Beria, he often turned to him for advice. In fact, Beria was an unofficial curator of the Minister of State Security of the USSR. The statement of the senior investigator of the Investigative Unit for Particularly important cases of the Minister of State Security, M.D. Ryumin, who signaled the unfavorable situation in the ministry with the investigation of a number of important cases, contributed to the removal of Abakumov from the post of minister. However, the main reason was not his statement, but the fact that Abakumov was becoming too independent, he alone made decisions on the conduct of the investigation, without informing Stalin about it. The leader was used to making his own decisions about whom and in what direction to conduct the investigation, but not the Minister of the Minister of State Security, who was supposed to be an intermediate link. Taking advantage of the situation, Stalin without regret removed the "presumptuous" minister.

Keywords: Commission of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Ministry of State Security of the USSR, V.S. Abakumov, M.D. Ryumin, I.V. Stalin, investigation, violation of the law

For citation: Mozohin O.B. The cause of arrest of the minister of state security V.S. Abakumov. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;2:79–92. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-8

15 марта 1946 г. Народный комиссариат государственной безопасности был преобразован в Министерство государственной безопасности, 4 мая на пост министра, по рекомендации Л. П. Берия, был назначен В. С. Абакумов.

Впоследствии, по словам помощника И. В. Сталина – А. Н. Поскребышева, вождь ругал себя за то, что согласился с предложенной Л. П. Берия кандидатурой. Предпринятые попытки Берия, работавшего в то время в Совмине, взять под свое наблюдение работу МГБ, успехом не увенчались [1, л. 215]. Несмотря на это, Абакумов, по словам очевидцев, четко ориентировался на Берия. Он нередко обращался к нему по телефону за советами и указаниями. Отношение Абакумова к Берии было особым, отличным от его отношения к другим руководителям партии и правительства. Из его неизменной практики посылки всех документов в адрес Берия явствовало, что тот является фактическим руководителем МГБ или по крайней мере лично Абакумова [2, л. 16].

2 июля 1951 г. И. В. Сталин получает заявление старшего следователя Следственной части по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмина, который сигнализировал о неблагополучном положении в министерстве с ведением следствия по ряду важных дел на крупных государственных преступников.

В письме М. Д. Рюмин сообщил, что в ноябре 1950 г. вел следствие по делу арестованного доктора медицинских наук, профессора Я. Г. Этингера, который на допросах признался, что является убежденным еврейским националистом, вынашивающим ненависть к ВКП(б) и советскому правительству. Признался также в том, что, когда в 1945 г. ему было поручено лечить кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, он делал все для того, чтобы сократить ему жизнь.

Рюмин эти показания доложил заместителю начальника следственной части Лихачеву, после чего их вместе с Этингером вызвал к себе Абакумов. Во время беседы с Этингером министр намекал ему на то, чтобы тот отказался от своих показаний об убийстве Щербакова. После того как Этингера увели из кабинета, Абакумов запретил Рюмину допрашивать арестованного в направлении его замыслов по террору, мотивируя тем, что это «заведет нас в дебри». Впоследствии Этингер отказался от всех своих признательных показаний.

Рюмин указал, что после вызова Абакумовым арестованного Этингера для него установили более суровый режим, он был переведен в Лефортовскую тюрьму в самую холодную и сырую камеру. Кончилось это тем, что в первых числах марта профессор умер и его террористическая деятельность осталась нерасследованной.

Рюмин посчитал своим долгом сообщить Сталину, что Абакумов, по его наблюдениям, имеет склонности обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе МГБ.

Так, в его производстве находилось следственное дело по обвинению бывшего заместителя генерального директора акционерного общества «Висмут» в Германии Салиманова, который в мае 1950 г. сбежал к американцам, а затем через 3 месяца возвратился в советскую зону оккупации Германии, где и был арестован. На допросе Салиманов показал, что американская разведка располагала подробными сведениями о деятельности «Висмут», занимавшегося добычей урановой руды. Эти показания говорили о том, что МГБ плохо организовал контрразведывательную работу в Германии. Вместо того чтобы информировать об этом правительственные инстанции и устранить серьезные недостатки в работе органов МГБ в Германии, Абакумов запретил фиксировать показания Салиманова протоколами допросов.

Рюмин описал методы следствия в следственной части по особо важным делам, где систематически нарушалась социалистическая законность.

В заключение высказал свое мнение о том, что Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате и являлся опасным человеком для государства. Внутри министерства на наиболее ключевые места и в частности в следственной части по особо важным делам он поставил своих «надежных» людей, которые, получив карьеру из его рук, постепенно теряли партийность, превращаясь в подхалимов, угодливо выполняя все, что хочет Абакумов [1, с. 658–660].

Есть мнение, что это заявление М. Д. Рюмина является результатом аппаратных игр в высшем руководстве. Однако существует и более правдоподобная версия. Работа в следственной части по особо важным делам у Рюмина не задалась. Опасаясь, что за участие в фальсификации следственных дел придется нести ответственность, и узнав, что управление кадров МГБ

СССР потребовало у него объяснение по существу скрытых им при поступлении на работу компрометирующих его материалов¹, Рюмин решил обезопасить себя и с этой целью обратился со своим заявлением к Сталину. Позже он писал, что сам не ожидал такого резонанса.

Сталин быстро отреагировал на это обращение. 4 июля 1951 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была организована Комиссия в составе Г. М. Маленкова (председатель), Л. П. Берия, М. Ф. Шкирятова и С. Д. Игнатьева, которой поручалось проверить факты, изложенные в заявлении Рюмина, срок расследования определялся в 3–4 дня [3, л. 1].

В тот же день В. С. Абакумов на имя Г. М. Маленкова и Л. П. Берия направил письмо следующего содержания: «Прошу Вас о помощи – поговорите со мной. Очень прошу. В. Абакумов» [4, л. 6]. Ответа на письмо не последовало.

Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) начала работу незамедлительно.

5 июля 1951 г. начальник 2 главного управления МГБ СССР Ф. Г. Шубняков по просьбе Комиссии Политбюро подготовил докладную записку, где сообщил, что 18 ноября 1950 г. он получил указание от Абакумова арестовать и доставить в Министерство профессора Я. Г. Этингера. Позже получил указание доставить его на допрос к Абакумову. В начале допроса Абакумов заявил Этингеру, что он арестован за вражескую работу и от него требуется правдиво изложить все факты этой деятельности, а также выдать лиц, с ним связанных. Этингер, узнав, что он находится на допросе у министра, стал проявлять нервозность, пытаясь привести какие-либо аргументы, которые могли бы подтвердить его безупречную репутацию. Он утверждал, что арестован ошибочно, сослался на свою работу в Лечсанупре Кремля, отметив, что являлся консультантом во время болезни А. С. Щербакова. В ответ на это Абакумов заявил, что следует разобраться, как он лечил Щербакова и почему его не уберегли. Этингер, нервничая, хватаясь за сердце, стал доказывать, что процесс лечения шел правильно и, кроме того, не он один лечил Щербакова [4, л. 9–11].

В этот же день свою докладную записку в Комиссию Политбюро направил заместитель начальника отдела 2 Главного управления МГБ СССР Н. А. Тангиев, в которой сообщил, что в ноябре 1950 г. получил указание от Шубнякова арестовать Этингера. Спустя примерно полчаса после ареста Шубняков предложил доставить Этингера в кабинет Абакумова для допроса. В приемной министра их встретил Шубняков, и они вместе ввели Этингера к Абакумову. Допрос Этингера Абакумовым продолжался 40–45 минут, примерно в двенадцатом или в первом часу ночи. По словам Тангиева, Абакумов обвинил Этингера в том, что тот плохо лечил Щербакова. Этингер заявил, что лечащим врачом Щербакова был доктор Виноградов, а он приглашался только на консультации. Абакумов спросил, почему больному Щербакову разрешили выехать на машине в город и разъезжать, на что Этингер заявил, что «большие люди» мало слушают врачей [4, л. 15–20].

¹ При поступлении на работу в органы НКВД Рюмин скрыл, что происходил из семьи зажиточного крестьянина – до революции его отец содержал харчевню и торговал скотом, а в 1930 г. исключался из колхоза за связь с кулацкими элементами. Умолчал о том, что его тесть – бывший колчаковский офицер, что его брат Степан в 1938 г. осужден за грабеж к 4 годам лишения свободы, а его самого в 1937 г. исключали из членов ВЛКСМ, а также то, что в 1948 г. его сестра Анна была осуждена за спекуляцию.

На следующий день начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР А. Г. Леонов доложил, что арест и допросы Этингера у Абакумова происходили в его отсутствие. После возвращения из отпуска его заместитель – М. Т. Лихачев – доложил ему о деле Этингера. В начале января 1951 г. Этингер был переведен в Лефортовскую тюрьму, где внезапно умер от разрыва сердца.

В результате просмотра следственного дела было обнаружено, что большинство важнейших показаний Этингера оказались по вине Рюмина не оформлены протоколами допроса, в результате чего не могли быть использованы ни в оперативной, ни в следственной работе. Было установлено, что Рюмин, приняв дело Этингера к своему производству, за целый месяц составил всего лишь пять коротких протоколов допроса, главным образом по биографии арестованного. Проступок Рюмина был предметом разбирательства в партийной организации следственной части, и ему за безответственное отношение к ведению следствия был объявлен выговор. При этом было учтено, что ранее Рюмин уже имел партийное взыскание за халатность, едва не приведшую к потере портфеля со следственным делом [4, л. 35–39].

7 июля 1951 г. А. Г. Леонов дополнил свои показания о затяжке сроков ведения следствия по делам арестованных. Абакумов затягивал согласование и принятие решений об окончании следствия. Передавая новых арестованных в следственную часть, он часто давал указания не составлять без его разрешения протоколы допроса и не предъявлять обвинения. Установившаяся в МГБ СССР практика составления обобщенных протоколов допроса арестованных, по мнению Леонова, была неправильна. В отношении показаний Этингера о лечении Щербакова допущена серьезная ошибка. Следовало бы о них доложить соответствующим инстанциям и с их разрешения произвести тщательную проверку [4, л. 69–73].

Заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР М. Т. Лихачев 6 июля 1951 г. показал, что после допроса Этингера у Абакумова он вызвал к себе Рюмина, рассказал ему об этом деле и поручил тому его расследование. Рюмин заверил, что приложит все силы, чтобы разоблачить вражескую деятельность Этингера.

Первое время Этингер ни в чем не признавался и вел себя вызывающе. Он не давал на вопросы прямых и ясных ответов, не подчинялся тюремному режиму, о чем докладывали начальник тюрьмы и тюремный врач. Это вынудило увеличить продолжительность допросов Этингера с 7–8 ч до 10–12 ч в сутки, что дало свои результаты. Профессор назвал несколько человек, с которыми он вел антисоветские беседы. По этим показаниям была составлена короткая справка и доложена Абакумову, однако она его не удовлетворила. Абакумов приказал продолжать его допрашивать. Эти указания были переданы Рюмину. После этого в течение 2–3 дней никаких новых показаний от Этингера получено не было.

Лихачев начал нажимать на Рюмина и в конце ноября – начале декабря 1950 г. сказал ему, что руководство Министерства имеет серьезные претензии по поводу медленного разворота дела Этингера. Рюмин попытался объяснить, что он активно допрашивает Этингера, но ожидаемых результатов пока не имеет, так как подследственный оказался на редкость тяжелым и хитрым арестованным.

В начале декабря 1950 г. Рюмин пришел к Лихачеву и рассказал, что Этингер начал давать показания о своей причастности к умерщвлению Щербакова. Лихачев вызвал к себе арестованного. Профессор рассказал в присутствии Рюмина, что, пересматривая свою жизнь, он пришел к выводу о том, что повинен в ускорении наступления смерти Щербакова, соглашаясь с неправильными методами его лечения. В отношении причин, побудивших его пойти на это преступление, ничего нельзя было понять. Тем не менее Лихачев доложил о них Абакумову.

В ту же ночь Абакумов вызвал к себе Этингера, а вместе с ним Рюмина и Лихачев. Во время допроса, длившегося около часа, Абакумов интересовался вражескими взглядами Этингера и его преступными связями, а затем перешел к вопросу о его причастности к умерщвлению Щербакова. На первые два вопроса подследственный ответил более-менее твердо, а что касается показаний о неправильных методах лечения Щербакова, то от них он отказался. Профессор заявил о том, что на него нажимали и чуть ли не требовали такие показания. На этом допрос был закончен, Абакумов потребовал от Этингера более полных и правдивых показаний.

После того как подследственного увели, Абакумов дал указание продолжать выяснять вопрос о его причастности к умерщвлению Щербакова. Он считал, что к этому вопросу надо отнестись осторожно и показания в этой части пока не записывать, дабы не зайти с ними «в дебри».

5 июля, находясь в Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), Рюмин напомнил Лихачеву о том, что Абакумов якобы заявил, что если верить показаниям Этингера, то ему придется пересажать в тюрьму весь Лечсанупр Кремля и охрану. Лихачев ничего подобного не слышал, считая, что в данном случае так же, как и по ряду других вопросов, Рюмин говорит неправду.

Так, Рюмин полагал, что Этингера специально перевели в Лефортовскую тюрьму для того, чтобы избавиться от него. Несостоятельность этого утверждения видна из того, что Абакумов допрашивал Этингера 10 декабря, а Этингер был отправлен в Лефортовскую тюрьму 5 января и не по указанию Абакумова, а по указанию Леонова.

Не прав Рюмин был и в том, что после допроса Этингера Абакумовым он чуть ли не ежедневно докладывал справки о результатах следствия. Он не мог этого делать потому, что было составлено две или три справки за все время следствия.

Леонов приказал Рюмину составить подробный протокол допроса Этингера, но тот его не составил. Лихачев звонил Рюмину, который в то время находился в Лефортовской тюрьме, и спрашивал, почему тот тянет с составлением протокола. Рюмин ответил, что Этингер жульничает и ему поэтому трудно писать протокол. Об этом же Рюмин сообщил на партийном бюро, когда разбирали его вопрос в связи со смертью Этингера.

В отношении дела Салиманова Лихачеву было известно следующее: Салиманов первое время допрашивался старшим следователем Седовым. Спустя дней 15 или 20 дело по его обвинению было передано Рюмину. Лихачев дал Рюмину указание писать с Салимановым протоколы допроса. В результате по делу подписано около 10 протоколов и 2 или 3 не подписаны. Таким образом, Рюмин передернул факты.

Рюмин был хорошим, опытным следователем, но в последнее время несколько зазнался и начал терять скромность. Он считал, что его давно пора выдвигать на руководящую работу. Одно время у руководства было мнение повысить его в должности, но этому помешало то, что в конце 1949 г. или в начале 1950 г. Рюмин по своей халатности в автобусе, на котором приехал из Лефортовской тюрьмы, оставил портфель со следственным делом. Рюмина наказали за это, после чего он стал лениться и халатнее относиться к допросам арестованных и к составлению оперативно-следственных документов.

В начале года на партийном собрании группы Рюмина критиковали за то, что он проявляет медлительность в работе, но тот и из партийной критики не сделал для себя соответствующих выводов, о чем свидетельствует факт затяжки составления им протокола допроса Этингера. В связи с этим Рюмин вновь обсуждался на партийном бюро и на партийном собрании сотрудников следственной части в марте 1951 г., где ему было объявлено партийное взыскание. На партийном собрании Рюмин признал допущенную им в следствии по делу Этингера халатность и даже назвал ее преступной, но спустя несколько дней в частной беседе пытался доказать, что не столько он, сколько другие повинны в этом. Лихачев пожурил Рюмина за такое поведение, он был убежден, что в конце концов тот поймет свою неправоту и будет работать лучше [4, л. 25–34].

7 июля 1951 г. заместитель министра госбезопасности СССР С. И. Огольцов доложил в Комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), что, по данным агентуры и материалам техники секретного подслушивания, было известно, что Этингер среди своих близких связей высказывал клевету по адресу Сталина, всячески опорочивал мероприятия партии и Советского правительства и заявлял о необходимости активной борьбы против Советской власти.

После ареста Этингера его вызвал к себе для допроса Абакумов. После допроса профессор был передан в следственную часть следователю Рюмину. На следствии он признался в том, что являлся еврейским националистом и распространял измышления о руководителях партии и правительства. Помимо этих показаний, арестованный Этингер стал давать показания и о своих вражеских действиях при лечении Щербакова. Профессор был вторично допрошен Абакумовым, при допросе он отказался от своих показаний в части, касающейся лечения товарища Щербакова. Это заставило как Абакумова, так и Лихачева к показаниям Этингера отнестись с недоверием. По мнению Огольцова, какого-то злого умысла в этом со стороны Абакумова нет.

Вопросу подбора кадров следователей руководство МГБ уделяло особое внимание. Исходили из требований, чтобы следователи были грамотными, политически зрелыми, инициативными и стойкими большевиками-чекистами, хорошо знали чекистскую работу. Руководством МГБ СССР по фактам нарушения законности принимались необходимые меры.

Огольцов писал, что с Абакумовым он проработал пять лет, и считал, что он преданный человек делу партии и Сталину. Абакумов на посту министра приложил много труда по коренному улучшению деятельности органов советской разведки. Заслуженно пользовался большим авторитетом среди чекистов и партийной организации [4, л. 87–95].

Таким образом, почти все опрошенные старались дать объективную информацию об Абакумове. Кроме того, выяснились факты оговора министра Абакумова со стороны старшего следователя Рюмина.

7 июля 1951 г. В. С. Абакумов написал свое объяснение И. В. Сталину и членам Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). Он сообщил, что вопрос о необходимости ареста Этингера первый раз был поставлен перед ЦК ВКП(б) 18 апреля 1950 г. Докладывалось, что он антисоветски настроен, неоднократно допускал вражеские выпады против Вождя, что было зафиксировано оперативной техникой. Однако санкции на арест получено тогда не было. 16 ноября 1950 г. он вторично направил записку с просьбой разрешить арестовать Этингера. А. Н. Поскребышев позвонил и передал, что эту записку смотрели и она направлена Н. А. Булганину, который на следующий день дал согласие на арест.

18 ноября Этингер был арестован, после чего Абакумов допрашивал его в присутствии Ф. Г. Шубнякова и Н. А. Тангиева. В процессе допроса профессор заявлял, что не виноват и арестован безосновательно.

Вести допрос Этингера было поручено Рюмину. Спустя несколько дней Лихачев доложил, что арестованный начинает рассказывать о своих антисоветских националистических настроениях. При этом Лихачев сказал, что Этингер недостаточно ясно, но говорит, что мог бы лучше лечить А. С. Щербакова, после чего Абакумов предложил Лихачеву вместе с Рюминым привести Этингера к нему на допрос. На допросе Этингер о преступном лечении Щербакова ничего нового не сказал. Из всего этого Абакумов пришел к выводу, что предположения о каких-либо злонамеренных действиях в отношении Щербакова не оправдались. Несмотря на это, дал указание Лихачеву продолжать допрашивать Этингера с тем, чтобы полностью выявить его преступную деятельность. В дальнейшем Этингер ничего существенного не показал, у него продолжались сердечные припадки, смерть его произошла сразу же после возвращения с очередного допроса от Рюмина.

По поводу заявления Рюмина о том, что якобы Абакумов намекнул Этингеру, чтобы тот отказался от показаний, такого не было, это неправда.

Абакумов был удивлен, почему Рюмин делает подобные заявления, он не мог понять одного: дело Этингера все время находилось на руках у Рюмина, никому не передавалось, и умер профессор, придя с допроса от Рюмина. Почему Рюмин сейчас написал о своих сомнениях, хотя со дня допроса Абакумовым Этингера до дня его смерти прошло несколько месяцев.

Касательно второго вопроса – дела Салиманова. Когда он бежал к американцам, то Абакумова и Огольцова вызывали в Политбюро ЦК и указали на то, что работники МГБ допустили ротозейство. Были приложили все силы к тому, чтобы выманить Салиманова и арестовать его. В результате Салиманов был схвачен и доставлен в Москву. Заявление Рюмина можно объяснить его незнанием обстоятельств дела, так как оно велось другими оперативными работниками. Что касается длительного составления протокола допроса Салиманова, о чем заявил Рюмин, то здесь неточность. В следственном деле имеется 8–10 его протоколов допроса.

В отношении нарушений в следственной работе. Как правило, протоколы допросов составлялись сразу. В следственной части по особо важным делам МГБ СССР, где допрашиваются наиболее важные преступники, допрос их связан с известными трудностями по проверке показаний и подбору материалов и документов, подтверждающих эти показания. В связи с этим следователи предварительно составляли небольшие протоколы или делали записи

какого-либо факта, а затем на основании нескольких протоколов и записей составляли более полный протокол.

Что касается информации, в отношении которой Рюмин утверждал, что скрываются от ЦК ВКП(б) важные дела, – это неправда. Рюмин не мог знать, какие документы направляются в адрес руководства. Порой посылается очень много информации.

При вторичном вызове в Комиссию Рюмин представил новое заявление. То, что им написано, по мнению Абакумова, является неправильным.

Во-первых, Рюмин обвинял работников Следственной части в том, что они избивают арестованных. Абакумов заявил, что чекисты бьют арестованных шпионов, диверсантов, террористов с тем, чтобы заставить их рассказать о своих преступных делах и связях. Но делается это с санкции министра МГБ и его первого заместителя, а в местных органах – с санкции начальника органа. Никакого массового побоища нет, тем более что на этот счет МГБ СССР имело разрешение ЦК ВКП(б).

Во-вторых, Рюмин заявил, что ему Лихачев будто бы поручал допрашивать арестованного Салиманова в отношении Кобулова. Абакумов заявил, что Кобулов никакого отношения к Салиманову не имел и никаких оснований к тому, чтобы допрашивать его о Кобулове не было.

В-третьих, Рюмин утверждал, что давались указания допрашивать арестованных о руководящих партийных работниках. Действительно, иногда это происходило, но по специальному указанию.

Рюмин заявлял о недостатках в следственной работе МГБ. Со своей стороны Абакумов считал, что недостатков в работе гораздо больше, чем об этом пишет Рюмин, и перечислил их. Эти недостатки Министерство старается устранять, издаются приказы, в которых указываются имеющиеся недочеты.

Абакумов заявил, что у него тоже есть недостатки. В связи с увеличением объема работы Министерства он не всегда охватывал всесторонне все участки. Сообщил, что не имеет достаточных знаний и опыта руководить таким большим аппаратом, каким стало МГБ, и это сказывалось на том, что некоторые вопросы текущей чекистской работы ему было трудно осилить, поэтому нередко проявлял чрезмерную осторожность.

«В то же время я с открытой душой должен сказать Вам, товарищ Сталин, что я отдаю все свои силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите передо мной. Я дорожу тем большим доверием, которое Вы мне оказывали и оказываете за все время моей работы, как в период Отечественной войны – в органах Особых Отделов и “СМЕРШ”, так и теперь – в МГБ СССР.

Я понимаю, какое большое дело Вы, товарищ Сталин, мне доверили, и я горжусь этим, работаю честно и отдаю всего себя, как подобает большевику, чтобы оправдать Ваше доверие.

Заверяю Вас, товарищ Сталин, что, какое бы задание Вы мне ни дали, я всегда готов выполнить его в любых условиях. У меня не может быть другой жизни, как бороться за дело товарища Сталина» [5, с. 338–343].

В процессе проверки заявления Рюмина Комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ Леонова, его заместителей – Лихачева и Комарова, начальника второго Главного управления МГБ

Шубнякова, заместителя начальника отдела 2-го Главного управления Тангиева, помощника начальника следственной части Путинцева, заместителей министра государственной безопасности Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснения Абакумова.

На основании этих показаний 7 июля 1951 г. члены Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) в докладной записке Сталину сообщили о результатах проверки фактов, изложенных в заявлении старшего следователя Рюмина.

По делу Этингера. Проверка показала, что МГБ не имеет подписанных Этингером протоколов допросов. Абакумов скрыл от ЦК ВКП(б) его показания о неправильном лечении Щербакова. Этингер умер в тюрьме, и дело осталось невыясненным, непроверенным и нераскрытым.

По делу Салиманова. Несмотря на то что прошел почти год с момента его ареста, Абакумов не информировал ЦК о результатах следствия по этому делу. Сколько-нибудь вразумительных объяснений он дать не смог.

В МГБ грубо нарушался установленный правительством порядок ведения следствия. Есть следственные дела, которые велись два-три года, тогда как, согласно закону, их полагалось вести не более двух месяцев. Абакумов неправильно загружал следственную часть делами, которые лучше могли бы быть расследованы следственным аппаратом главных управлений. В следственном аппарате создавалась атмосфера угодничества, подхалимства, отсутствия критики. Такое положение являлось результатом того, что подбор работников Абакумов производил по принципу прежней совместной работы с ними в военной контрразведке.

В процессе работы Комиссии Огольцов и Питовранов заявили, что Абакумов принизил роль заместителей, недостаточно советуясь с ними. В центральном аппарате Министерства все чрезмерно зацентрализовано.

В интересах быстрее выправления неблагоприятного положения дел в руководстве МГБ Комиссия предложила: снять Абакумова с поста министра государственной безопасности и дело о его партийности передать на рассмотрение КПК при ЦК ВКП(б); укрепить руководство следственной части и снять с занимаемых постов Леонова и Лихачева с запрещением им в дальнейшем работать на чекистской работе; указать первому заместителю министра Огольцову и заместителю министра Питовранову на то, что они не проявили достаточной партийности и не доложили ЦК ВКП(б) о недостатках в работе МГБ СССР.

Таким образом, члены Комиссии пытались смягчить наказание Абакумову, ограничившись снятием его с должности и передачей его дела в КПК при ЦК ВКП(б). Особых оснований для возбуждения уголовного дела не было, так как многое из того, что написал Рюмин, не подтверждалось.

Однако Сталин своими пометами на документе полностью изменил их мнение. Вождь считал, что Абакумов совершил обман партии по указанным выше делам. По его мнению, среди врачей есть тайная организация, которая старается лечить высокопоставленных больных, чтобы сократить их жизнь. Абакумов считал, что это дело не заслуживает внимания, ведет в дебри и прекратил дальнейшее следствие. Этим, по мнению Сталина, он помешал ЦК выявить безусловно существовавшую законспирированную группу врачей, выполнявших задание иностранных агентов. Ведь Этингер признался, что имел террористические намерения в отношении Щербакова и принял все

меры к тому, чтобы сократить жизнь. ЦК считало это показание, данное им без всякого нажима, заслуживающим внимание.

Несмотря на неоспоримые факты Абакумов отрицал свою виновность и не дал признаний в том, что он понял свою преступную деятельность и готов исправиться. Это видимо тоже раздражало вождя.

Учитывая все это, Сталин предложил снять Абакумова с должности как человека опасного на таком важном посту и исключить его из партии, снять с должности Леонова и Лихачева. Назначить министром Госбезопасности Игнатьева, оставив его одновременно секретарем ЦК. Назначить Рюмина заместителем министра.

Далее Сталин обозначил структуру документа, который в окончательном виде должны были подготовить члены Комиссии Политбюро [4, л. 63–68].

После доклада Сталину всем стало понятно, что Абакумова ждет более серьезное наказание, чем то, которое первоначально планировалось членами Комиссии. После такой резолюции в последовавших докладных записках все больше стал проявляться обвинительный уклон в отношении Абакумова.

10 июля 1951 г. М. Д. Рюминым была подготовлена очередная докладная записка в Комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), в которой тот сообщил, что в МГБ СССР существует практика, при которой протоколы допросов арестованных, направлявшиеся в ЦК ВКП(б) и Правительству, пересоставлялись одним и тем же лицом из секретариата Абакумова – вначале Броверманом, а в последнее время Белоусовым. В ряде случаев в протоколах допроса без изменения оставались только подписи лиц, допрашивавших арестованных. Отметим, что по указанию Абакумова нередко исключались из протоколов допроса наиболее важные показания арестованных. Рюмин не исключил, что они скрывались от ЦК ВКП(б) и Правительства. По его мнению, в МГБ СССР действует Особое совещание, «где рассматривается подавляющее большинство следственных дел, причем там, по выражению некоторых товарищей, можно “пропихнуть любое дело”. Так оно есть и в действительности» [4, л. 105–106].

11 июля 1951 г. с заявлением в Комиссию Политбюро ЦК ВКП(б) обратился помощник начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР А. В. Путинцев. Узнав, что Абакумов скрыл от ЦК ВКП(б) важные показания Этингера, он посчитал, что возможно Абакумов утаил от ЦК и другие важные показания по террору, которые дали участники антисоветской молодежной организации, «Союз борьбы за дело революции» (СДР). Он сообщил о ходе следствия по этому делу, которое было передано в следственную часть по особо важным делам МГБ СССР из УМГБ Московской области. Путинцев полагал, что Абакумов по непонятным причинам не проинформировал ЦК ВКП(б) о показаниях арестованных по террору [4, л. 138–143].

10 июля 1951 г. члены Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) представили Сталину очередной проект Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам МГБ [4, л. 107–112]. После доклада постановление вновь было подкорректировано. На следующий день, 11 июля 1951 г., оно предстало в окончательном виде. В нем подробно указывалось, по каким вопросам Абакумов обманывал партию.

Резолютивная часть гласила: снять В. С. Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР, исключить из рядов ВКП(б) и передать

его дело в суд; снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Леонова и его заместителя Лихачева и исключить их из партии; объявить выговор первому заместителю министра Огольцову и заместителю министра Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ; обязать МГБ СССР возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации. Назначить заведующего отделом партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) С. Д. Игнатьева представителем ЦК ВКП(б) в МГБ [6, л. 1–6].

13 июля 1951 г. ЦК ВКП(б) разослал это постановление Центральным комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, Министерством государственной безопасности союзных и автономных республик, краевым и областным управлениям МГБ. ЦК ВКП(б) надеялось, что коммунисты, работающие в органах МГБ, не пожалеют сил для того, чтобы покончить с недостатками в работе, а партийные органы усилят свое внимание и помощь органам госбезопасности в их сложной и ответственной работе [7, л. 660–663].

16 августа 1951 г. Абакумов был ознакомлен с постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого. В вину ему ставилось неправильное расследование дела Этингера, дела антисоветской еврейской молодежной организации «Союз борьбы за дело революции», дела Салиманова, а также нарушение социалистической законности и другие преступления, вскрытые во время следствия: хранение Абакумовым в платяном шкафу совершенно секретных документов, хищения социалистической собственности и денежных средств в крупных размерах.

Основной причиной «опалы» Абакумова естественно было не только заявление Рюмина, но и то, что тот становился слишком самостоятельным, единолично принимал решения по ведению следствия в органах государственной безопасности, не ставя в известность ЦК, т.е. Сталина, а вождь не привык к этому. Он всегда сам принимал решения, в отношении кого и как вести следствие, но никак не руководители органов государственной безопасности, которые должны были быть промежуточным звеном в этой цепочке. Воспользовавшись ситуацией, Сталин без сожаления убрал «зарвавшегося» министра.

Л. П. Берия в это время вынужден был дистанцироваться от Абакумова, терять расположение вождя из-за своего выдвиженца было нецелесообразно.

После смерти Сталина Г. М. Маленков 5 марта 1953 г. переехал в кабинет вождя в Кремле и стал Председателем СМ СССР. Пленум ЦК КПСС 14 марта 1953 г. формализовал решения, принятые на совместном заседании ЦК, Совмина и Президиума Верховного Совета, где Председателем Совета министров был рекомендован Маленков, первым секретарем ЦК – Н. С. Хрущев, министром объединенного министерства МВД и МГБ – Л. П. Берия, одновременно он же стал и заместителем председателя Совмина.

Никаких решений конкретно по Абакумову в это время не принималось, видимо было не до него.

Тем не менее в это время был арестован его обвинитель М. Д. Рюмин. Позже, 2–7 июля 1954 г., ВК ВС СССР рассмотрела его дело в судебном

заседании. Судебным следствием было установлено, что, действуя в карьеристских и авантюристических целях, он встал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан. Рюмин принуждал арестованных оговаривать себя и других лиц в совершении тяжчайших государственных преступлений. Последующим расследованием было установлено, что эти обвинения не имели под собой никакой почвы и привлеченные по этим делам лица полностью реабилитированы. Учитывая особую опасность вредительской деятельности Рюмина и тяжесть последствий совершенных им преступлений, он был приговорен к расстрелу [8, л. 121–122].

26 июня 1953 г. во время заседания Президиума ЦК КПСС по предварительному сговору был арестован «куратор» Абакумова – Берия. В июле Пленум ЦК КПСС постановил вывести Берию как врага партии и советского народа из состава Президиума и ЦК КПСС, исключить из партии и предать суду. 18–23 декабря 1953 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, рассмотрев дело Л. П. Берия, В. Н. Меркулова, В. Г. Деканозова, Б. З. Кобулова, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешика и Л. Е. Влодзимирского, приговорило всех к смертной казни.

После смерти Сталина, расстрела Рюмина и Берия Абакумов продолжал сидеть в тюрьме. Он пережил их, но ненадолго. За это время его дело претерпело серьезные изменения. То, что ему ставилось в заслугу, теперь стало предметом обвинения. Трижды переделывалось его обвинительное заключение. После осуждения Берия против Абакумова выдвинули обвинения в фальсификации «Ленинградского дела», дела Жемчужиной и др. Вдобавок бывший министр госбезопасности стал также и участником «банды Берии». Утверждалось, что он выполнял вражеские задания, которые были направлены против Коммунистической партии и Советского правительства.

14 декабря 1954 г. в Ленинграде в Доме офицеров начался судебный процесс над Абакумовым и его сообщниками. Все подсудимые, хотя и с оговорками, признали себя виновными за исключением Абакумова, который отрицал предъявленные ему обвинения, считая, что дело против него сфальсифицировано. Он заявлял, что обвинительные материалы против него сфабрикованы Рюминым. 19 декабря был объявлен приговор ВК ВС СССР. За совершенные преступления перед партией и советским народом суд приговорил Абакумова к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 463.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467.
3. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 216.
4. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 537.
5. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953 : сб. док. М., 2007. 937 с.
6. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10.
7. Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ (1917–1991) : справочник. М., 2003. 776 с.
8. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 225.

References

1. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 171. D. 463 = *The Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. Item 171. File 463.* (In Russ.)
2. RGASPI. F. 17. Op. 171. D. 467 = *The Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. Item 171. File 467.* (In Russ.)
3. Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii (AP RF). F. 3. Op. 58. D. 216 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 216.* (In Russ.)
4. AP RF. F. 3. Op. 58. D. 537 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 537.* (In Russ.)
5. Lubyanka. Stalin i MGB SSSR. Mart 1946 – mart 1953: sb. dok. = *Lubyanka. Stalin and the Minister of the State Security. March 1946 – March 1953: collected reports.* Moscow, 2007:937. (In Russ.)
6. AP RF. F. 3. Op. 58. D. 10 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 10.* (In Russ.)
7. Lubyanka. Organy VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB (1917–1991): spravochnik = *Lubyanka. Agencies of VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB (1917–1991).* Moscow, 2003:776. (In Russ.)
8. AP RF. F. 3. Op. 58. D. 225 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 225.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Олег Борисович Мозохин

доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт
российской истории Российской
академии наук (Россия, г. Москва,
ул. Д. Ульянова, 19)

E-mail: mozohin@bk.ru

Oleg B. Mozokhin

Doctor of historical sciences, leading
researcher, Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19 D. Ulyanova street, Moscow, Russia)

Поступила в редакцию / Received 19.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.02.2021

Принята к публикации / Accepted 20.02.2021